

Длинная вереница шедших след в след верблюдов добрела до последнего из оазисов на окраине пустыни. Если бы караван продвинулся ещё немного дальше, то смог бы разглядеть вдали стены Меккана.

Устроившихся в окрестностях оазиса кочевников крупная процессия весьма озадачила. Дело в том, что в данное время года большие караваны здесь не появлялись.

Оправившись от удивления, кочевники бросились проверять, действительно ли это торговый караван, но, увидев над верблюдом, шедшим во главе процессии, роскошный алый стяг Аль Джаиса, в ужасе повернули назад. Обычно, повстречав караван, они приходили поглазеть на причудливые экзотические обычаи, да набить выюки повседневными товарами.

Но увидев пурпурный стяг, они задали стрекача. В далёком прошлом, когда юный Аль Джаис только-только занял должность эмира, он решил развивать торговые маршруты, на пересечении которых находился Джоран, и принялся жестоко подавлять непокорные племена.

Большинство из них вели кочевой уклад жизни, но в голодное время превращались в банды грабителей. Поэтому Аль Джаис пришёл к мысли – чтобы торговые караваны могли посещать город без опаски, грабительские банды во имя процветания Джорана должны быть ликвидированы.

И после претворения плана в жизнь число караванов, пользовавшихся Джораном в качестве промежуточной стоянки, действительно, стало стремительно увеличиваться.

Так или иначе, но в результате большинство племён были изгнаны и бежали в предместья Меккана. С тех пор пурпурный стяг Аль Джаиса повергал кочевников в ужас.

В страхе перед возможным вооружённым столкновением кочевники поспешили увести женщин и стариков в безопасное место.

Как только верблюд во главе процессии вошёл в тень от дерева, полог навеса, сооружённого для защиты от палящих солнечных лучей, откинулся. Прежде чем верблюд успел устроиться на земле, с него спрыгнула красивая женщина с длинными, собранными в хвост волосами, и принялась разминать затёкшие суставы.

Похоже, что длительный и скучный переход по пустыне утомил её.

«Ещё чуть-чуть – и мы окажемся в Меккане.»

На верблюде, к которому обернулась упражнявшаяся женщина, восседал аристократ в роскошных белых одеждах, украшенных золотом.

«Заночуем здесь и заодно пополним запасы воды. Если отправимся в путь ранним утром, то к полудню достигнем стен Меккана.»

Шух!

Мужчина также спрыгнул с верблюда и приземлился на песок.

Мужчина был высокого роста, с небольшими усиками и бородкой. Конечно же, это был Широн, приехавший из Джорана. Понятное дело, он находился под личиной Рахмана, бородка же была мастерски приклеена, чтобы прикрыть стык, где маска соединялась с собственной кожей.

Со временем Тия привыкла обращаться к нему с должным жене почтением и делала это настолько естественно, что даже слуги и охрана не замечали ничего подозрительного в отношениях супругов. Они считали, что после того, как слабохарактерного и вздорного Рахмана наказали за посещение борделя, тот взялся за ум и даже несколько возмужал.

Конечно, по сравнению с прежним Рахманом, нынешний казался выше ростом и имел более развитую фигуру, но часто ли случается простым стражникам разглядывать аристократов вблизи?

В общем, на изменившуюся фигуру Рахмана пока что никто не обратил внимания.

«Слушайте мой приказ! Мы приближаемся к Меккану, всем оставаться начеку! К караулу относиться со всей серьёзностью! Офицерам – обеспечить регулярную смену караульных и отдых личного состава!» – прокричала Тия, уперев руки в бока.

В эту минуту она больше, чем когда-либо была похожа на разъярённую львицу. Не теряя ни минуты солдаты по её команде бросились ставить временный лагерь и готовить ужин, однако при этом не забывали внимательно поглядывать по сторонам.

Пока Тия отдавала распоряжения солдатам, Шиرون отошёл в сторонку, чтобы обойти оазис по внешнему периметру и проведать своих питомцев.

Под ногами вдруг возникло какое-то копошение, после чего из-под земли высунулась вытянутая морда отвратительного вида. Несмотря на то, что герамек прятался под слоем песка, на его блестящей голове не было ни единой песчинки. С острых, словно зубья пилы, зубов монстра стекала слюна. Шиرون усмехнулся, сел перед ним на корточки, и, вытянув руку, погладил блестящую морду.

Удивительно, но герамек отреагировал на движение Широна, и его маленькие, прячущиеся под наростами, красные глазки заблестели. Из горла твари вырвалось нечто, похожее на урчание, и он словно кошка потёрся головой о его руку.

«Кто бы ни попытался приблизиться к нашему лагерю, разрешаю поймать и съесть. Только не попадайтесь на глаза нашим солдатам, затаскивайте жертву под землю и уже там делайте с ней, что хотите», – тихо проговорил Шиرون.

Герамек кивнул, будто и впрямь понял его слова, после чего вновь зарылся в песок.

Шурх-шурх...

Отдав монстру приказ, Шиرون поднялся с земли, потянулся и уставился на горизонт.

Где-то там, за пределами пустыни, располагался стольный город Меккан. Город, в котором он и его учитель Йехинатал множество раз оказывались на пороге гибели!

В нём проживают хитрый как лис архиепископ, его многочисленные прихвостни и жуткий, вгоняющий в дрожь Хейо. И кто знает, сколько ещё страшных личностей, помимо этих, обитают за его стенами!

Конечно, за ним из тени будет присматривать Аль Джаис, вот только Шиرون пока не решил, можно ли ему доверять. Единственный же, кому он верил и на кого мог положиться – учитель Йехинатал – теперь находился далеко. Поэтому впредь придётся рассчитывать лишь на собственные силы и смекалку.

Широн нервно сжал кулаки.

«Что это мы здесь делаем?» – мягко проворковал женский голос, и чьи-то нежные руки обняли его со спины. Затем Тия прижалась к спине щекой.

Отзываясь на лёгкий цветочный аромат и нежное прикосновение рук, Широн накрыл её ладони своими. Глаза Тии сверкнули, а тело ещё плотнее прижалось к нему.

«До какой степени я могу довериться этой женщине? Должен ли я позволить ей встать со мной плечом к плечу в предстоящей яростной схватке? Должен ли я её защищать? Или же только использовать?» – размышлял Широн, глядя на багряное закатное солнце, садящееся над пустыней...

Эмир Аль Хуфу принадлежал к знатному роду, оказавшему огромное влияние не только на текущую правящую династию, но и на всю историю Ноабской империи.

Он длительное время поддерживал близкие отношения с императорской семьёй и являлся одним из самых богатейших людей Ноаба. Среди широких плодородных земель, располагавшихся в южной части империи, львиная доля принадлежала именно Аль Хуфу, кроме того, под его личным контролем находилось несколько крупных рынков. Благодаря поддержке отца, его дети сумели дослужиться до ключевых постов при императорской семье, что должно было обеспечить дальнейшее процветание рода.

Однако наибольшую привязанность, подобно большинству родителей, Аль Хуфу питал к младшенькому – Рахману, который по сравнению со старшими братьями не демонстрировал каких-либо выдающихся способностей и потому казался наиболее хрупким и уязвимым. Возможно, именно из-за отсутствия способностей, отец и питал к нему столь сильную любовь.

Заметив, что остальные, уже подросшие дети испытывают жгучую ревность из-за горячей привязанности отца к Рахману, и опасаясь, что те могут ему навредить, эмир Аль Хуфу, в конце концов, был вынужден отослать сына в далёкий Джоран. Однако в последнее время он так сильно скучал по Рахману, что из-за этого даже ухудшилось состояние его здоровья.

Едва больной услышал, что Рахман с женой прибыли в город, то впервые за долгое время поднялся с постели и с нетерпением принялся готовиться к визиту младшего сына.

Как только при помощи слуг старик с ввалившимися щеками расположился на мягких подушках, Рахман рука об руку с Тией вошли в комнату и преклонили пред ним колени.

«Я приехал, отец! Как вы себя чувствуете?»

Когда Аль Хуфу увидел столь разительные перемены в облике Рахмана, его воспалённые глаза наполнились слезами.

Роскошные белые одежды, расшитый золотом пояс и воротник были такими же, какие любил носить дорогой его сердцу ротозей в далёком прошлом, однако в его осанке и манере говорить теперь чувствовалось несвойственное прежде достоинство.

«Ты так вырос, Рахман... Подойди сюда. Дай мне хоть разок обнять тебя», – пролепетал почти беззубым ртом Аль Хуфу и протянул в сторону Рахмана свои иссохшие руки.

Чуть помедлив, Рахман поднялся с колен, подошёл к отцу и заключил его в объятия.

К груди прижалось дрожащее, болезненное тело старика.

Широн под личиной Рахмана ощутил острое чувство вины. Пусть старик не догадывается, однако на самом деле перед ним враг, убивший его драгоценное дитя!

«Кхе-кхе-кхе...»

«Отец!»

Когда Аль Хуфу разразился громким кашлем, и с его губ брызнула кровь, Широн спешно утёр её рукавом и схватил старика за руки. Слуги же поспешили поднести целебный отвар.

Доверившись заботе Широна, Аль Хуфу погладил его по лицу своей костлявой рукой, а из воспалённых глаз старика потекли горячие слёзы. Нынешний Рахман настолько не думал о себе, что даже не поспешил сорвать с себя замаранную одежду. Прежде он бы обязательно взвизгнул, и, опасаясь заразиться, поспешил бы убраться подальше.

Аль Хуфу перевёл взгляд на невестку Тиюю.

Такой же прекрасный и в то же время надменный лик, как и прежде. А в глазах всё тот же чувственный блеск.

Аль Хуфу отправил Рахмана именно в Джоран потому, что ему нравилась Тия. Он верил, что умная и уверенная в себе невестка, такая как она, сумеет компенсировать недостатки сына.

Но после того как брак был устроен, он почувствовал сожаление – слишком уж большим было расстояние до Джорана. А что, если Рахман пришёлся Тие не по нраву, что, если она пренебрегает им?

Теперь же он видел, что эти двое ладят. Когда Тия смотрела на мужа, в её взгляде чувствовалась теплота.

Наконец-то на душе Аль Хуфу стало спокойно. С улыбкой на устах он медленно закрыл глаза.

«Отец?»

Пульс больного, исхудавшего старика перестал ощущаться. Его слабое тело прекратило дрожать.

«Отеееец!!!» – вскричал Широн так, словно и в самом деле был Рахманом.

Но как ни тормозил он старика, тот даже не вздрогнул.

В свой последний путь Аль Хуфу отправился с умиротворённой улыбкой. Если бы его дух не обрёл покой, то, узнав после смерти всю правду, он мог бы обратиться в призрака, который принялся бы преследовать Широна. Однако лицо усопшего было слишком спокойным, так что явление призрака теперь казалось маловероятным.

Аль Маджали.

Первенец эмира Аль Хуфу, унаследовавший после его смерти все семейные наделы. Восседавая на удобной подушке с аккуратно зачёсанными назад седеющими волосами, он приветственно кивнул Рахману. Его усы были ровно подстрижены, да и в целом вид он имел опрятный и подтянутый.

Хоть их и связывали братские узы, но теперь Аль Маджали стоял во главе семьи. К тому же, разница в возрасте между ними была слишком велика, поэтому в общении со старшим братом Рахману всегда приходилось непросто.

Соблюдая этикет, Рахман (то есть Широн) молча преклонил колени перед новым главой семейства.

Воцарившуюся на некоторое время тишину прервал сам Аль Маджали.

«Спасибо, Рахман. Благодаря тебе наш отец смог уйти со спокойной душой», – несмотря на строгий тон, в его голосе чувствовалась сильная привязанность к отцу. – «Он до последнего переживал, всё мечтал увидеть тебя... И если бы ты не уважил желание старика, мне бы пришлось прикончить тебя собственными руками.»

Заметив, что от его слов Рахман испуганно дёрнулся, Аль Маджали успокаивающе поднял руку.

«Я знаю, что обстановка в Джоране сейчас не слишком здоровая. И что в ваших невзгодах, похоже, замешан сам архиепископ...»

Глаза Рахмана вновь расширились. Оказывается, помимо Аль Джаиса в этом месте существовал ещё один человек, который был отлично осведомлён о положении дел в стране.

Пристально уставившись в глаза младшему брату Аль Маджали провозгласил: «За то, что ты помог нашему отцу упокоиться с миром, я задействую всю мощь нашей семьи и постараюсь разрешить твои проблемы. Не переживай, я на твоей стороне.»

В настоящее время Аль Маджали отвечал за сферу строительства при императорской семье. Возможно, сейчас читатель выразит недоумение по поводу невзрачной с виду должности, однако для Ноаба она имела крайне важное значение.

Под строительными работами в Ноабе подразумевали две основные стратегические задачи – во-первых, борьбу с паводками, а во-вторых, возведение гробниц.

Главной причиной зарождения и бурного расцвета Меккана – столицы Ноабской империи – являлась река Фраюс, именно благодаря ей империя на сегодняшний день занимала такие обширные территории.

Однако природа далеко не всегда бывает благосклонной. Каждый год в сезоны дождей река Фраюс и её многочисленные притоки сильно выходят из берегов и заливают городские территории.

В общем, в обязанности ответственного за борьбу с паводками лица входило препятствовать разливам реки и минимизировать убытки от наводнений, поэтому два раза в год его наделяли чрезвычайными полномочиями.

Ответственному лицу предоставлялись не только все экономические и вычислительные ресурсы, которые тот мог направлять на борьбу с наводнениями, но, хоть и с некоторыми оговорками, и право командования над силами обороны Меккана. Иными словами, во время сезонов дождей, составлявших по времени в сумме почти треть года, лицо, ответственное за борьбу с паводками, также становилось главнокомандующим столичной армии.

Как итог, ответственный за борьбу с паводками мог оказывать влияние на вооружённые силы и

в течение всего остального года, то есть, не только в сезоны дождей, но и в засушливые периоды. И человеком, имевшим доступ к экономическим ресурсам с одной стороны, и военной мощи с другой, был именно Аль Маджали.

Возведение гробниц тоже являлось далеко не тривиальной задачей.

Каждый год на стройках гробниц в стране принимали участие более десяти тысяч рабов. Для того чтобы надзирать за такой прорвой людей требовалось множество солдат. Следовательно, ответственный за строительство гробниц автоматически получал полномочия распоряжаться рабами и солдатами.

Учитывая, что при этом данный человек имел право выбирать, с кем из поставщиков материалов заключать сделки, можно понять, что ответственный за сферу строительства в империи – действительно один из ключевых постов.

В прошлом Аль Маджали из семейства Аль Хуфу длительное время служил командиром имперской армии, но особенное признание получил за способность успешно справляться сразу с двумя родами деятельности – организацией работ по борьбе с наводнениями и контролем за строительством гробниц.

Император настолько ценил его таланты, что задолго до смерти отца, Аль Хуфу, позволил, подобно эмирам, добавлять к своему имени частицу «Аль».

И если бы дело было только в этом!

Благодаря тому, что, несмотря на положение в обществе и высокую должность, Аль Маджали отвергал роскошь и всяческие излишества, он пользовался бешеной популярностью среди горожан. Если прислушаться к эпитетам, которыми наградили его жители Меккана, станет ясно, насколько они его любят.

«Аль Маджали ибн Аль Хуфу! Гордость Меккана, в равной мере наделённый мудростью ибиса, отвагой льва и величиём бегемота!»

Ибис – это птица, которая кричит всю ночь напролёт накануне наводнения и тем самым первой предупреждает жителей Меккана об опасности. Конечно, на самом деле она горюет по яйцам, которые смоет вышедший из берегов Фраус, но даже несмотря на это люди в знак благодарности величают ибиса «мудрой птицей».

Потому с давних пор выражение «мудрый как ибис» является в Ноабе высочайшей похвалой. Данным эпитетом иногда одаряют умудрённых годами старцев или выдающихся опытных деятелей, однако Аль Маджали сумел заслужить подобный титул всего к сорока девяти годам.

И он действительно достоин этого звания, ведь с тех пор, как он вступил в должность ответственного по борьбе с паводками, жители Меккана ни разу не пострадали от наводнений благодаря своевременному строительству крепких плотин и обводных каналов. Всё это стало возможным вследствие скрупулёзного поиска уязвимых мест в плотинах и выявления наиболее подверженных затоплению участков.

Эпитетом «отважный как лев» он обзавёлся ещё в период, когда служил в армии.

Вооружённые силы империи собираются из разномастных племён воителей, причём каждое из таких племён имеет собственные, отличные от других обычаи и воинские традиции. Вступив в должность, Аль Маджали реорганизовал подведомственные войска с учётом этих особенностей

и превратил их в мощную боевую силу. Более того, во всех сражениях он выступал в первых рядах и сражался яростно, словно лев, вдохновляя остальных своим примером.

Преображённые Аль Маджали войска не раз отличались в стычках с бандитскими отрядами, в гражданских войнах и ряде локальных конфликтов с Арманской империей. И в авангарде этой армии неизменно выступал Аль Маджали.

На поле боя он всегда был надёжной опорой союзникам и жутким демоном для врагов. В груди его билось львиное сердце, и именно благодаря этому он заслужил второй эпитет.

Бегемот же обитал в реке Фраюс и считался одним из божественных животных. По легенде, бог Амик избрал его своим питомцем и заставил поклоняться ему всех прочих зверей.

Легендарный бегемот имел туловище необъятных размеров, шкура его была увита древними лозами, а когда он выходил на выпас, то неизменно выедал всё пастбище. На его огромных, в несколько обхватов лапах вздувались толстые как канаты сухожилия, а когда он разевал широкую пасть и пил, то мог понизить уровень вод в реке Фраюс!

Он был настолько велик, что ему охотно поклонялись все животные. Аль Маджали же, подобно божественному зверю из легенд, поклоняются все люди.

Преклонив колени перед Аль Маджали Шиرون почувствовал, что сидящий перед ним мужчина излучает такое всеобъемлющее, повергающее в дрожь величие, что оно заставляет тело цепенеть. Аль Маджали был первым после Аль Джаиса человеком, который внушал ему столь острое чувство страха.

И если Аль Джаис был похож на столетний дуб, то Аль Маджали казался скалой, которую не поколебать даже лютым штормам.

В душе Шиرون не мог горько не улыбнуться. В эту минуту он понял, насколько сложно приходилось Рахману в тени такого старшего брата.

Однако впечатлён был не только он. Аль Маджали был также восхищён чувством спокойствия, исходившим от младшего брата.

Прежде, при встрече, Рахман дрожал как осиновый лист и думал только о том, как бы поскорее улизнуть. Его крысиные глазки бегали из стороны в сторону, сразу выдавая ложь, с помощью которой тот стремился выйти из неприятной ситуации. В его облике никогда не было приличествующей мужчине отваги, лишь заискивающее подбострастие.

Но сегодня младший брат выглядел совершенно иначе. Он был вежлив, но уверен в себе, его руки не дрожали, и это спокойствие казалось поразительным. Немногие из знакомых Аль Маджали людей могли вести себя столь непринуждённо, повстречавшись с ним лицом к лицу.

И пусть младший брат по сравнению с прежним собой сильно переменялся и вызывал несколько странные чувства, Аль Маджали нравились эти изменения. То ли он просто слишком давно не видел Рахмана, то ли после длительной ссылки в далёкий Джоран характер парня и впрямь изменился к лучшему.

Аль Маджали припомнил поговорку, которую так любил повторять его отец, Аль Хуфу: «Женитьба меняет мужчину», – и согласно кивнул головой.

Затем он вспомнил, какими словами встретил Рахмана, и ему стало неловко. В роли старшего

брата он был слишком суров, втайне считая Рахмана избалованным ребёнком, и теперь чувствовал, что должен исправить впечатление от первоначальных слов.

После того, как Рахман вновь вежливо поклонился и вышел из комнаты, Аль Маджали тихо произнёс, обращаясь куда-то в пустоту: «Юнк, я хочу, чтобы ты занялся чёрными тенями, сгущающимися вокруг Рахмана. Возможно, в этом замешаны люди архиепископа...»

В ответ на его слова из пустоты донёсся звук, похожий на жужжание роя пчёл.

Ж-ж-ж...

<http://tl.rulate.ru/book/104928/3680075>